

ВЛАСТЬ НА МЕСТНОМ УРОВНЕ

НАЗАД В ОБЩИНУ: ДИНАМИКА ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНЫХ АССАМБЛЯЖЕЙ В ГОРОДАХ СИБИРИ (1991–2021)

Ю.А. Пустовойт

(pustovoit1963@gmail.com)

Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС
Национальный исследовательский
Томский государственный университет
Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет
Новосибирск, Россия

Цитирование: Пустовойт Ю.А. Назад в общину: динамика политико-административных ассамбляжей в городах Сибири (1991–2021 г.) // Власть и элиты. 2023. Т. 10, № 1. С. 156–189.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.1.6>
EDN RWQLUP

Аннотация. *Рассматривается проблема влияния городского пространства, образа жизни, особенностей городских сетей и сообществ, организаций и институтов на политические процессы и возникновение властных коалиций на территории города. На основе онтологии и основных положений теории ассамбляжей мексикано-американского исследователя М. Деланды и методов сходства и различия (Ч. Рэгин, Н. Розов) сопоставлена динамика изменения социальных, культурных, организационных и политических компонентов в 13 сибирских городах (центрах регионов) в ходе избирательных кампаний 1991–2021 гг. Предложено и обосновано введение концепта «политико-административный ассамбляж» и показана процедура его выделения и оценки. На основе теоретических положений сформулирована гипотеза о долговременном влиянии на ключевые параметры*

ассамблежа различных типов географических и исторических факторов появления и развития городов (город-хаб или город-центр) с сопутствующим становлением характерных сетевых (сильных-эмоциональных, слабых-рациональных, организационных и классовых) сообществ, расположенных на территории организаций-источников идеологической, экономической и силовой власти, развития пространственной, деловой и символической инфраструктуры, отношений с государственной бюрократией и доминирующими на федеральном уровне партиями. Через сопоставление названных факторов-переменных, операционализируемых через подобранные маркеры, гипотеза проверена на конкретном историческом материале выбранных сибирских городов, что позволило более точно представлять сложный социально и культурно обоснованный комплекс стимулов, способных влиять на решения индивидуальных и групповых политических субъектов и обуславливающих траекторию движения по различным моделям уровня политической конкуренции и чистоты административных процедур. Отдельно выделены и на основе мобилизационных повесток проанализированы электоральные циклы. Показано, как и в какие периоды происходит возникновение, становление, стабилизация и, с различием в скорости, поглощение государством городских ассамблежей и вероятные последствия исчезновения конкурсной политики из городской жизни.

Ключевые слова: город, ассамблеж, властные группы, сети, мобилизационная повестка, городской режим, Сибирь.

ВВЕДЕНИЕ, ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ И ГИПОТЕЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

Почему на фоне общего сворачивания политической конкуренции в стране есть города, где результаты выборов до 2021 г. не были predeterminedены в силу регулярного выдвижения серьезных конкурентов действующей власти и наличия барьеров, не допускающих аберраций (фальсификаций) результатов? Для ответа на этот вопрос мы рассмотрели ход, агитационный материал и результаты избирательных кампаний в городах Сибири с 1991 по 2021 г. Фокус нашего исследования сосредоточен на выявлении влияния городского образа жизни на политические процессы, в нем протекающие: образование коалиций власти, их ресурсы и институализацию, способы легитимации, критерии эффективности и результаты управления. Наше исследовательское поле ограничено, с одной стороны, корпусом современных теорий, выстроенных в рамках «нового урбанизма», где город рассматривается

как сложная система потоков и сетей, включающих в себя человеческие и нечеловеческие компоненты [Амин, Трифт 2017], с другой — работами, рассматривающими «городскую политику» только в рамках решения местных проблем через структуры муниципального управления. Здесь наиболее близкой перспективой будут исследования, выполненные в русле выявления, описания и анализа результатов деятельности властных групп в современном городе: Р. Флориды, Г. Ревзина, В. Россмана, В. Вахштайна, М. Манна, Р. Даля, Кл. Стоуна, Молоча, Дж. Логана, В. Ледяева, А. Чириковой, В. Гельмана, Ю. Плюснина.

Традиционно описание городов включало в себя его географию и пространственные характеристики, образ жизни и экономику его жителей, а также структуру власти и порядки занятия управленческих должностей, а также влияние этих трех параметров друг на друга. «Строительство крупных зданий и впечатления от вызывающей благоговение архитектуры тесно связаны с такими элементами человеческой природы, как стремление поддерживать в обществе социальный порядок и определенные отношения между властями и подчиненными. Возможно, здесь мы имеем дело с эволюционным продолжением основных процессов, управляющих поведением животных и их инстинктом агрессии и господства над территорией» [Эллард 2015: 88–89]. Профессиональные группы, служащие источниками и осуществляющие власть в городе, менялись на протяжении истории и имели различные объемы полномочий и возможностей манипулировать городской средой в политических целях: от древних жрецов и священников к военным, торговцам фабрикантам и рабочим мы можем наблюдать утверждение принципов доминирования как «в камне», так и в организации общественных порядков и поддержании групповых границ [Манн 2018: 301; Ревзин 2019: 7; Россман 2013: 12].

Городской образ жизни, утверждаясь в современном виде в Западной Европе с середины XIX в., попадает в область внимания первых исследователей-социологов, встревоженных разрывом привычных связей солидарности. Так, Фердинанд Теннис считал, что горожанин возникает в тот момент, когда индустриальная революция размывает общность. *Gemeinschaft* — естественное объединение людей, держащееся на традиционных связях семьи, родства, близости проживания, где каждый контролирует каждого, зная друг друга в лицо, что превращает их в общество (*Gesellschaft*), слабую ассоциацию людей атомов, преследующих собственные интересы [Теннис 2002]. Закономерно возникает вопрос,

как организуются власть и управление в этих городах, где, перефразируя «критерии городского» Л. Вирта, «в тесноте и обиде живет и работает масса очень разных людей» (цит. по: [Вахштайн¹ 2022: 134]).

Корпус эмпирических исследований власти в городских сообществах XX в. позволил сделать вывод о двух конкурирующих ключевых субъектах городского управления, связанных с капитализмом (бизнес во всех его проявлениях) и национальным государством (политические лидеры), и был разработан набор концепций их взаимодействия, например «теории режимов» и «машин роста», объяснительный потенциал которых невозможно в полной мере использовать в силу институциональных различий и локального разнообразия для анализа городских политических процессов в современной России [Ледяев 2013: 427–428]. Тем не менее в эмпирических исследованиях, построенных в концептуальных рамках режимной теории, и в работах, рассматривающих локальную политику в концептуальном аппарате теории «политических машин» или ориентированных на собственный концептуальный аппарат «провинциального (сословного) общества», были сделаны попытки теоретического обобщения о том, кто, как и зачем стремится к доминированию в российских городах и в чем здесь проявляется специфика современного российского политического процесса. Сделаны выводы о существенных различиях в «четыре России» и связанных с этими перспективами и возможностями развития [Зубаревич 2017], становлении централизованного субнационального партийного авторитаризма [Гельман 2009: 60–61], доминировании в небольших городах и поселениях как «служилых сословий» (госслужащих), так и архаичных, построенных на родстве и соседстве системах низовой самоорганизации [Плюснин 2022], характерном для малых городов узкого круга людей, обладающих властью и ресурсами, связанных неформальными отношениями, двойной идентичностью (чиновников-бизнесменов) и недобровольным сотрудничеством бизнеса [Чирикова, Ледяев 2017: 400].

Таким образом просматривается тенденция взаимосвязи размеров города и численности жителей. При их уменьшении местные структуры власти становятся все менее и менее дифференцированными (неразделенность политики и бизнеса, что нагляднее всего проявляется в двойной идентичности: чиновник и предприниматель здесь часто одно лицо), архаическими (отказ от регламентированных процедур и фор-

---

¹ 22 апреля 2022 г. Минюст России внес В. Вахштайна в список иностранных агентов.

мальных стандартов в пользу моральных критериев), авторитарными и очень лояльными к региональным и федеральным структурам (по крайней мере по формальным показателям). На наш взгляд, картина намного сложнее: достаточно крупные индустриальные города Кузбасса в целом демонстрируют высокую степень отзывчивости на любые президентские инициативы, а поселения Алтайского края на последних выборах Президента РФ (2018), напротив, поддерживали оппозиционного кандидата от КПРФ.

Как и на каких основаниях осуществляется сборка городских политических, социальных и инфраструктурных компонентов в относительно единое целое и почему возникают существенные различия между этими образованиями? Наша гипотеза состоит в том, что конфигурация властной группы и доминирующий корпус действующих в них формальных и неформальных правил зависит от многообразия групп и сфер деятельности, возникших и получающих развитие в городе, и способностей сообществ и институтов строить взаимовыгодные отношения. Это позволит выделить два типа городов: города-хабы, находящиеся на пересечении торговых потоков и капиталов, и города-центры — места сосредоточения и переработки материальных и социальных ресурсов. Для первых характерен гетерогенный состав жителей, разнообразие возможностей и рост экономической и социальной конкуренции, что требует создания универсальных правил, регулирующих доступ к политическим позициям и соблюдения принятых регламентов. Для вторых, где основу власти составляют делегированные федеральным и (или) региональным центром полномочия, характерны самодостаточные властные объединения, где доступ к ресурсам зависит от персональных договоренностей лидеров. Для проверки гипотезы мы рассмотрели политическую историю 13 городов Сибири, с одной стороны, проверяя теоретические положения на конкретном эмпирическом материале, используя логические методы анализа причинных связей [Розов 2001: 90—128], с другой — двигаясь от собранного массива эмпирических данных, основу которого составляют материалы избирательных кампаний и интервью участников политических баталий, собираемые нами с 1997 г.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И КОНЦЕПТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Основным понятием нашего исследования выступает понятие ассамблея (сборки), введенное М. Деландой и означающее конструкции или динамические отношения, существующие в виде автономных целостностей, которые состоят из гетерогенных частей, в свою очередь, также являющиеся ассамблеями. Концепт заимствован у Ж. Делеза и Ф. Гваттари, которые ставили перед собой задачу продемонстрировать самоорганизацию множественных процессов в воспроизводимые объекты или системы. «Что такое сборка? Это множественность, которая состоит из многих разнородных деталей и устанавливает связи, отношения между ними, по возрасту, полу и правит — разными природами. Таким образом, единственное, что объединяет сборку, — это единство взаимодействия: симбиоз, “симпатия”. Важны не родственные отношения, но альянсы, сплавы; это не последовательности, линии происхождения, но инфекции, эпидемии, ветер» [Deleuze, Parnet 2002: 69]. При этом стоит уточнить, что понятие сборки не является семантически единым. Делез использует слово *agencement* («расположение, компоновка»), тогда как *assemblage* появился уже в англоязычных переводах его работ (начиная с перевода «Тысячи плато» Брайаном Массуми) [Красавин 2019: 140]. В работах М. Деланды концепт «ассамблеж» получает вполне предметное социологическое содержание.

«Ассамблежи, будучи целостностями, чьи свойства возникают из взаимодействия частей, можно использовать в целях образования этих промежуточных сущностей: межличностные сети и институциональные организации являются ассамблеями людей; движения социальной справедливости — это ассамблежи сети из нескольких сообществ; центральные правительства — это ассамблежи нескольких организаций; города — это ассамблежи людей, сетей, организаций, равно как и ряда инфраструктурных компонентов: от зданий и улиц до трубопроводов для потоков материи и энергии; государства — это ассамблежи городов, географических регионов, образованных городами, и провинций, сформированных несколькими подобными регионами». Ни один из этих уровней сборки не считается самостоятельным, не имеет онтологического приоритета, компоненты могут свободно перемещаются из ассамблея в ассамблеж и вступать в процессе коэволюции в обязательные отношения друг с другом. Здесь Деланда

в противовес метафоре «общества как организма» приводит пример метафоры из Ж. Делеза «оса и орхидея» [Деланда 2018: 13–20]. Онтология, предложенная исследователем, серьезно отличается от привычных нам способов рассмотрения социального мира и подразумевает пять ключевых аспектов, выделенных исследователем его творчества Гр. Хартманом:

— реализм (центральный концепт ассамбляж, «не единое целое», обозначает сочетания материальных и нематериальных компонентов, каждый ассамбляж рассматривается как индивид и возникает из до-индивидуальных компонентов, свои свойства он получает из взаимодействия элементов, пример «оса — орхидея»);

— антисущность (каждая составная часть ассамбляжа обладает набором свойств, которые формируются в результате способностей к взаимодействию с другими частями);

— абсолютное разделение видов и родов (нет никаких видов, есть только популяции индивидов, каждый со своей неповторимой историей, базовыми объединяющими понятиями выступают род, типы, пространства возможностей, аттракторы, топологические инварианты и универсальные сингулярности);

— катализ вместо механической причинности (вместо причин, каждый раз ведущих к одним и тем же следствиям, предлагается рассматривать причину как катализатор чего-то без отсутствия автоматизма);

— организация мира по двум осям (компоненты ассамбляжа могут играть материальную — тела, здания, средства, пространства — и экспрессивную — язык, символы, компоненты, которые в отсутствие наблюдателя, способного их считать будут частью материального, роли; вторая ось показывает направленность процессов к внутренней гомогенизации (территоризация) и (или) размыванию идентичности (детерриторизация), процессы могут идти одновременно или один может доминировать) [Хартман 2017: 1–34].

«Почему оса вступает в отношение сексуального порядка с орхидеей, если учитывать, что с одной стороны, есть опыление, а с другой стороны, со стороны осы, воспроизводства не будет? Этологи объясняют, что здесь имеется отношение между двумя режимами кодов, возникающее в параллельной эволюции двух видов. Эти два вида не имеют никакого отношения друг к другу, однако в какой-то момент возникает встреча, которая изменяет их становление» [Досс 2021: 29]. Несмотря на некоторую экзотичность и кажущуюся сложность оптики

рассмотрения мира, есть как минимум два вполне традиционных подхода, в той или иной мере сопоставимые предлагаемому концепту Ж. Делеза и Ф. Гваттари — сборке, «встрече» двух компонентов, не имеющих с друг другом ничего общего, но создающих нечто общее. К. Стоун, рассматривая возникновение и эволюцию политики в Атланте в 1940-е годы, обращает внимание на то, что городские власти не могут проводить свои решения без кооперации с негосударственными акторами, обладающими необходимыми ресурсами. Режим (стабильная совокупность формальных и неформальных договоренностей, позволяющих управлять общностью) опирался на электоральные ресурсы афроамериканской общности и материальные и организационные ресурсы «белого» бизнеса. Стратегическая цель (повестка) была достигнута за счет экономического роста и изживания остатков расизма [Ледяев 2012: 74–75]. М. Манн вводит понятие интерстиционального возникновения (*interstitium* — «расстояние, зазор») для описания процесса возникновения новых организаций власти, которые не возникают из прежних идеологических, экономических, силовых и политико-административных властных организаций, а существуют вместе с ними, в них, на границах, в зачаточном и неразвитом виде, но при возникновении подходящих, случайных обстоятельств (несовпадение сетей власти, некогерентность институтов и функций) выходят на первый план [Манн 2018: 54–56]. «Если военная машина быстро приспособливается, рассеивая трение и позволяя случайным событиям активировать процедуры и способности, сборка человека и машины может произвести эмерджентные качества и порядок из хаоса... Если трение накапливается, оно может создать петлю обратной связи, как при неуправляемом взрыве, в котором неопределенность нарастает, парализуя нервную систему и приведя военную машину к короткому замыканию», — так характеризует значение сборки М. Деланда [Деланда 2014: 119].

Таким образом, в этой работе мы используем понятия сборки и ассамблежа скорее как синонимы, но в первом случае делаем акцент на процессе, во втором — на результате. Такой подход к сборке вполне оправдан («нужно понимать ее и как глагол, и как существительное») и вполне укладывается в концептуальные идеи Ж. Делеза, как считает исследователь современных методов анализа Дж. Ло [Ло 2015: 92].

Итак, сборка (ассамблеж) — это процесс и результат взаимодействия двух или более автономных самостоятельных компонентов, при котором возникает новая, необратимая и упорядоченная не единая целостность,

обладающая новым набором качеств и свойств, позволяющая ей устанавливать собственные границы и строить отношения с другими ассамблеями. Считаем, что при рассмотрении политических (властных, не ценовых отношений) продуктивным будет введение понятия политико-административный ассамбляж. Под последним мы будем понимать автономную целостность, состоящую из гетерогенных частей различной природы (людей, сетей, организаций, институтов, материальной инфраструктуры), способную оказывать принудительную координацию других ассамблежей на основе легитимного признания за ним права определять ценностные приоритеты сообщества, правила и объемы распределения ресурсов, обязательные социальные стандарты и осуществление контроля над их соблюдением. Таким образом, предложенный концепт ассамбляжа предполагает увязывание двух политических составляющих: легитимную борьбу за ключевую позицию, позволяющую ее обладателю осуществлять процесс выбора одного из множества альтернатив (экспрессивная роль), и исполнение принятого решения через планирование действий, распределение ресурсов, принятие норм и контроль за их соблюдением (материальная роль).

Политическое измерение ассамбляжа определяется его легитимностью, т.е. степенью конкуренции, принятыми на момент исследования правилами получения и замены лиц, занимающих властные должности. Маркером этого измерения считаем тождественность реальной практики борьбы за получение ключевой позиции в структуре управления его «идеальному типу», отраженному в соответствующих нормативных документах. В нашем случае это соблюдение равенства возможностей в доступе участников к открытой и публичной конкуренции за голоса электората. На одном полюсе ситуации, где участники представляют собой независимые друг от друга группы, объединения, партии и корпорации, выдвигающие своих кандидатов (корпоративизм), на другом — один из участников обладает несопоставимым объемом конкурентных преимуществ, связанных с его личностью (персонализация).

Здесь для нас были определяющими данные городских, региональных избирательных комиссий и Центризбиркома, а также сообщения СМИ об итогах выборов и кандидатах. Мы считали, что конкуренция есть, если разница набранных голосов победителя и его ближайшего оппонента не превышает 20 %. Хотя в каких-то случаях и каких-то городских компаниях конкуренция может быть очень высокой, а когда-то вообще отсутствовать, в целом в тенденциях измерение «корпора-

тивизм — персонализм» в отношении группировок городов скорее не вызывает серьезных возражений. Во многом оценки совпадают с выводами других исследователей, использующих, например, концепт демократичности [Петров¹, Титков 2013].

Административное измерение ассамблея связано с чистотой формальных процедур и их искажением, аберрацией, соответствия принятия решений существующим формальным стандартам, ее регламентирующим и закрепления этих решений на материальных носителях. Маркером должного уровня стандартизации в нашем случае выступает отсутствие искажений итогов голосования на выборах.

Определение объемов аберрации представляет собой сложную задачу, так как эта область манипуляций с подсчетом голосов находится вне правового поля и представляет собой достаточно чувствительную зону для их участников и контролирующих структур. Тем не менее для того, чтобы отнести город к тому или иному полюсу, мы ориентируемся на два критерия. Первый — статистический. С декабрьских выборов в Государственную Думу 2011 г. были разработаны методологии анализа итогов голосования, которая позволяет с достаточной степенью уверенности говорить о масштабе отклонений на уровне участковых, территориальных и региональных избирательных комиссий [Шпилькин² 2011; Овчинников 2012]. В ходе интервью (второй критерий) в городах (в большей степени это касается Кемеровской области) информанты (политики, члены территориальных избирательных комиссий и администраторы) с той или иной долей эмоциональности рассказывали о аберрациях (фальсификациях) как об обыденном явлении.

Полюсами континуума выступают две «идеальные модели» персонафицированной (харизматической) аберрации (отсутствуют оба маркера) и корпоративной (коллективной) прозрачности (оба маркера присутствуют).

Взятые за основу онтологические принципы «новой социальной философии» дают возможность рассматривать эмоциональные и когнитивные проявления, поступки людей и материальные объекты в рамках

---

¹ 3 июня 2022 г. Минюст РФ внес Петрова в реестр «СМИ-иностранцев», в соответствии с распоряжением Министерства юстиции Российской Федерации от 8 апреля 2022 г. Московский центр Карнеги, представлявший в России Фонд Карнеги за международный мир (США), прекратил свою работу.

² 10 февраля 2023 г. Минюст России внес С. Шпилькина в список иностранных агентов.

единой теории. Подход позволяет связывать микроуровень и макроуровень, уровень индивидуального человека с уровнем больших социальных существ (национальных государств) и позволяет нечетко определенные общие сущности («рынки», «государство») связывать с конкретными ассамблеями. Например, вслед за Ф. Броделем рынок рассматривается как конкретная организация в малом городе, место торговли, состоящее из людей и товаров одновременно материальных и экспрессивных, состоящий из мельчайших рынков (сельской территории) и встраивающийся в более масштабную систему экономических обменов (региональный рынок крупного урбанистического центра).

В этой оптике политико-административный ассамблеж города включает в себя:

— жителей, их разговоры, поступки и последствия взаимодействий в которые входят различные сети со слабыми и сильными связями (семьи, сообщества, профессиональные объединения), группы политических активистов, ориентированных на участие и неучастие в различных массовых мероприятиях (протестных акциях и провластных митингах), классовые сообщества, позиции в которых зависят в первую очередь от объема экономического капитала;

— организации и правительства, т.е. идеологические организации, связанные с университетами и средствами массовой информации, экономические структуры, расположенные на городской территории (промышленность и бизнес), силовые ведомства и криминальные структуры (армия, полиция, спецслужбы и силовые предприниматели различной степени легализации от рэкетиров до охранных агентств), муниципальную систему управления, ее сотрудников и территориальные активы (бюджет и земельные ресурсы);

— государственные структуры, организованные на местах партийные структуры и местные учреждения, действующие под управлением государственной бюрократии.

Вместе с тем элементами городского ассамблежа выступают инфраструктурные материальные объекты (здания, дороги, сети и коммуникации). Это позволяет описывать и объяснять динамику политической жизни и зависимость формирования властных групп не только от протяженности и состояния коммунальной инфраструктуры («подлинная вертикаль власти — труба центрального отопления»), но и влияния протяженности городского пространства, масштаба и дизайна сооружений на умонастроения горожан, их чувство места и комфорт. По-

нятно, что городская политика произрастает из прошлого и величественная архитектура, возможности относительно быстрого перемещения в пространстве, чистота улиц и широкий спектр возможностей самореализации в одних городах, однотипные здания и сооружения, торчащие на слабосвязанных между собою пустырях с многочисленными пивными точками, компаниями подростков и незатейливым времяпровождением в других стимулируют возникновение и развитие различных траекторий политических процессов даже в условно близком институциональном дизайне.

Первый комплекс факторов связан с сетями, организациями и влиянием государственных компонентов на местную политику и имеет относительно долгую историю становления. Необходимо рассмотреть возникновение сообществ, историю становления расплoжeнных на территории города организаций и их значение в городской жизни, развитие городской инфраструктуры, взаимоотношения с региональными и федеральными властями, значимыми федеральными партиями и администрациями. Сборка здесь включает компоненты и отношения между ними, учитывая не только опыт решения проблем и традиции урегулирования споров и конфликтов, но и закрепленные неформальные и формализованные стандарты

Второй комплекс факторов, действующий непродолжительное время, появился относительно недавно, связан с избирательными кампаниями и мобилизацией электората для получения (закрепления) значимых позиций в системе местного управления. Здесь процесс ассамблежа происходит в очень короткие сроки, за который гипотетически может измениться не только состав политико-административных структур, но и приоритеты финансирования, области определения ключевых проблем, социальные нормы и степень контроля за их выполнением. На городском уровне эти изменения могут быть достаточно существенными по своим последствиям и приход на значимые позиции людей, не имеющих опыта управления, или напротив длительная несменяемость авторитетных мэров может приводить как к конструктивным, так и к негативным последствиям.

Таким образом, мы полагаем, что политико-административный ассамблеж в наиболее отчетливой форме проявляется в кризисных ситуациях оспаривания значимых позиций в управлении как в ходе конвенциональных действий (выборов), так и не конвенциональных проявлений активностей (элитных переворотов, протестов или рево-

люций). Город выступает как естественная лаборатория возникновения, стабилизации и изменений политико-административных ассамблежей, где комбинации различных гетерогенных объектов в процессе коэволюции способствуют появлению различных типов отношений, представляющих идеальные типы сочетаний акторов и правил взаимодействия, расположенных на противоположных полюсах континуума: от персонифицируемой фабричной (централизация власти одним физическим лицом, способным менять любые социальные стандарты) до корпоративной прозрачности (разделение власти внутри группы при соблюдении выработанных норм).

ДОЛГОСРОЧНЫЕ ФАКТОРЫ: СЕТИ, ОРГАНИЗАЦИИ, ИНФРАСТРУКТУРА, ГОСУДАРСТВО

При выделении и оценке политико-административных ассамблежей в городах Сибири мы опираемся прежде всего на результаты эмпирических исследований конца 1990-х — начала 2000-х годов, работы по изучению городской политики в середине нулевых и серию полевых работ с 2012 г. до настоящего времени. В этих проектах использовался различный концептуальный аппарат (теория элит, макроисторический подход, теория городских режимов), но все они были сосредоточены вокруг городской политики и предполагали обращение к эмпирическим методам сбора и анализа данных. Обычно исследовательский проект включал в себя серию интервью (от 10 до 60 встреч и бесед, ориентированных в основном на реконструкцию жизненного опыта респондента, его автобиографию и оценки происходящего), включенное наблюдение, анализ результатов избирательного процесса всех уровней, анализ агитационного материала, используемого в ходе избирательных кампаний (по материалам архивов), анализ политических публикаций местных, региональных и федеральных СМИ, сбор из открытых источников биографических данных по конкретным персонам. По городам Новосибирск и Новокузнецк, представляющих собой противоположные критические случаи, собран и обработан основной массив всех видов данных, в меньшем объеме исследовались политические процессы в Томске, Барнауле, Абакане, Кемерово, где тем не менее были собраны интервью и обработаны медиа-сообщения последнего протестного периода. События в Омске, Горно-Алтайске, Кызыле, Чите, Улан-Удэ, Иркутске анализировались через публикации, открытые источники, результаты электоральных кампаний и официальную статистику.

Опираясь на эти показатели, политико-административный ассамбляж исследуемых городов будет представлен четырьмя идеальными типами от корпоративной прозрачности на одном полюсе до персонифицированной аберрации на другом. Мы предлагаем оценивать соответствие ассамбляжа идеальному типу по четырехбалльной шкале, где корпоративная прозрачность получит оценку «4» (1;1 — в двоичной системе), персонифицированная прозрачность — «3» (0;1), корпоративная аберрация — «2» (1;0), персонифицированная аберрация — «1» (0;0). Сибирские города в этом случае будут выглядеть следующим образом: «4» — борьба местных элит при честном подсчете голосов (Томск, Иркутск, Красноярск, Новосибирск, Барнаул); «3» — персонификация, наличие явного лидера, при отсутствии аберраций (Омск, Чита, Абакан); «2» — непрозрачный подсчет, но открытая конкуренция политических субъектов (Горно-Алтайск, Улан-Уде); «1» (0;0) — персонифицированная аберрация (города Кузбасса, Кызыл).

Опираясь на положение М. Деланды, согласно которому каждая социальная сущность возникает из сущностей меньшего масштаба, сохраняя при этом определенную автономию, введем две переменные, определяющие становление ассамблежей различных типов: многообразие и связанность.

Многообразие — это наличие нескольких компонентов, качества которых не могут быть сведены друг к другу. Это означает, что компонентов больше трех и между ними больше различий, чем сходств. В сетях, мы определяем различия по целям и ценностям людей, поддерживающих в них взаимодействия, рассматривая организации и институты, мы ориентируемся на их отношения к источникам власти, число и влияние на определенной территории, на уровне взаимоотношений с государством, мы показываем различия в пространственной инфраструктуре, архитектуре и комплексами политических связей и символических продуктов, появляющихся на территории города. На этом этапе исследования предлагаем оценивать многообразие по двухбалльной системе (есть или нет, выше или ниже порогового уровня (три компонента)).

Связанность рассматривается нами как мера силы между различными компонентами ассамбляжа, способ и степень выполнения ими совместных функциональных задач, она показывает, насколько элементы соответствуют главной цели. На уровне сетей маркером связанности выступает привлекательность для творческой молодежи (критерии Флориды [Флорида 2014: 208]), на уровне организаций — способность

обеспечить рост (критерий «машин роста» [Логан, Молоч, 2009]), на уровне пространства — инфраструктурная, политическая и символическая связанность. Здесь так же двухбалльная система оценок: есть (сильная связанность выше порогового уровня) или нет (слабая связанность ниже порогового уровня).

На основе подхода М. Деланды на этом уровне мы можем предположить четыре наиболее значимых типа сетевых взаимодействий и возникающих на их основе сообществ, оказывающих влияние на становление политико-административных ассамбляжей в городах. «Сети страстей» построены на сильных связях и регулярных взаимодействиях, здесь основа солидарности — ритуал, способные повышать личную самооценку на основе членства в общности, обладающей, по мнению ее членов, более высоким статусом и положительной репутацией. Маркером развития этого типа сетей в городе считаем содержание городского футбольного или хоккейного клуба. «Сети целей», объединения, состоящие из людей, ориентированных на деловые связи, члены этих сообществ стремятся получать лично значимую информацию, способной расширить их индивидуальные и социальные возможности. Маркером выступает развитие медиасреды¹. «Сети справедливости» — регулярные взаимодействия индивидов и групп, направленные на расширение коллективных возможностей, включают в себя как акторов, добивающихся политических целей, так и их оппонентов и властей [Деланда 2018: 74–78]. Маркером служит участие в публичных городских общественных и политических мероприятиях. На этом этапе исследования мы сравнивали количество людей, принявших участия в акции «Бессмертный полк»². Критерием разделения было правило «масштаба выступления — 3,5 %», используемое исследователем Эрикой Ченновет [Stephan, Chenoweth 2008: 7–11]. «Сети классов» — контакты и взаимодействия на регулярной и нерегулярной основе, обеспечивающее привилегированный доступ к разнообразным ресурсам и культурному, социальному и экономическому капиталам. Мар-

---

¹ Отчет «Индекс развития медиасферы — 2018. Динамика институционального развития средств массовой информации в субъектах РФ верхнего уровня в 2015–2018 гг.» URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/75c/otchet-msindex-2018_final-na-sajt.pdf (дата обращения: 22.11.2023).

² Мы использовали данные по городам, расположенные на сайте «Акция «Бессмертный полк». История и организаторы». URL: <https://tass.ru/info/6412958> (дата обращения: 22.11.2023).

кером были исследования по «географии богатства» и средней заработной плате в городах России¹.

Не все маркеры оказались перспективными в ходе сравнения городов методом сходства и различия, что может быть следствием как ошибки в их выборе, неудачной операционализации, так и отсутствия значимых связей. Тем не менее уверенно можно отметить контрасты по трем сетевым позициям. В городах корпоративной прозрачности участие в акции «Бессмертный полк» выше, чем в городах персонифицированной аберрации. Здесь выше индекс развития медиасреды и соответственно больше возможности установления слабых связей, как правило, выше численность обеспеченных людей и выше уровень средней заработной платы. В городах корпоративной прозрачности есть и многообразие, и связанность. В них большее число студентов², сильные КВН-команды (критерий объемов творческой молодежи) и, судя по всему, выше толерантность (в настоящий момент по этому показателю нет надежных данных).

Рассматривая ассамблежи организаций, мы опирались на типологию, предложенную М. Манном, где структура и история обществ показана через взаимодействие четырех источников социальной власти: идеологической, экономической, военной и политической. Согласно его положениям, источники власти независимы друг от друга и представляют собой накладывающиеся сети взаимодействия и организации достижения человеческих целей. Центральная проблема здесь заключается в способности контролировать людей, материалы и территории. Маркерами влияния идеологических, экономических и силовых организаций мы считали высокое место в рейтингах университетов, развитии местных средств массовой информации (идеологический источник), корпораций, находящихся на территории города и объема городского валового продукта (ГВП), наличие высшего учебного за-

---

¹ География богатства. Оценка численности миллионеров в России // Skolkovo.ru. URL: <https://www.skolkovo.ru/researches/geografiya-bogatstva-ocenka-chislennosti-millionerov-v-rossii/> (дата обращения: 22.11.2023); Федеральная служба государственной статистики. Неравенство и бедность. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 22.11.2023).

² Число студентов (выше или ниже общесреднего по стране 3,3 % от населения в регионе) Минобрнауки России МИРЭА // Российский технологический университет. Главный информационно-вычислительный центр (19 апреля 2019). URL: <https://miccedu.ru/> (дата обращения: 22.11.2023).

ведения для подготовки сотрудников силовых структур. Здесь наиболее резкие различия показал рейтинг престижных университетов и СМИ, в городах корпоративно-прозрачного ассамбляжа (Томск, Иркутск, Красноярск, Новосибирск, Барнаул) высокие показатели, персонифицированных aberrаций (Кемерово, Новокузнецк, Кызыл) — низкие¹.

Остальные маркеры так же в тенденциях имеют контрастные различия, но есть аномалии, которые требуют детальной интерпретации в каждом случае. Отметим, что в городах кооперативной прозрачности число влиятельных организаций и диверсификация видов деятельности выше. Обращаясь к исследованиям городов, критерии и результаты которых могут быть показатели продуктивного взаимодействия социальных, экономических и политических организаций, то есть связанности (богатство и самостоятельность², комфортабельность и доступность благ³, создание благоприятных условий для малого и среднего бизнеса и число этих организаций⁴), мы видим, что в городах, где политика строится по модели корпоративной прозрачности, есть богатство, самостоятельность, доступность благ. В городах-моделях ассамбляжей персонифицированной aberrации: есть богатство, но нет самостоятельности, комфорта и при благоприятных условиях не увеличивается число организаций малого и среднего бизнеса.

На следующем уровне — «город и государство» — ведущую роль начинают играть пространственные характеристики и здесь основным выступает критерий связанности. Критерий многообразия в городах корпоративной прозрачности представлен в наиболее наглядной форме числом различных архитектурных стилей, зданий и сооружений на центральных городских проспектах и улицах, здесь шире представлен

---

¹ Мы использовали для рейтинга университетов: Топ-100 вузов России // Агентство RAEX. 2022. URL: https://raex-rr.com/education/universities/rating_of_universities_of_russia (дата обращения: 22.11.2023). Для рейтинга СМИ см.: URL: <https://www.liveinternet.ru/rating/ru/media/> (дата обращения: 22.11.2023).

² Богатство и самостоятельность: что делает бюджет города устойчивым 2017 // Strelka kb. URL: <http://citybudget.strelka-kb.com/> (дата обращения: 22.11.2023).

³ Куда податься: лучшие города для первой работы. Привлекательность городов для выпускников вузов // Strelka kb. URL: https://img-cdn.tinkoffjournal.ru/-/strelka_kb_alumni_rating_2018_full.pdf (дата обращения: 22.11.2023).

⁴ Рейтинг 1115 городов России условия и уровень развития малого и среднего предпринимательства // Strelka kb. URL: <https://msp.strelka-kb.com/> (дата обращения: 22.11.2023).

спектр политических движений и партий, часть из которых не только организует и проводит в исследуемый период массовые публичные мероприятия, но и участвует в выборах, как правило, здесь есть свое символическое производство по разным тематическим направлениям и жанрам, вполне конкурентноспособное в сравнении со столичными образцами: театры, галереи, литературные журналы (со своими режиссерами, художниками и писателями) и т.д.

Тем не менее наиболее значимой для этого уровня города будет выступать пространственная, политическая и символическая связанность. Первая определяется нами как включение городского пространства в общественно-деловую жизнь страны и региона (внешняя связанность) и в повседневные перемещения его жителей (внутренняя связанность), материальные характеристики города, обжитость пространства его благополучие. В качестве маркера мы будем опираться на показатели «Индекса качества городской среды»¹. Политическая связанность показывает отношения местной политики к политическим процессам на федеральном уровне: легитимность лидера национального государства, измеряемую через сопоставление голосов, отданных горожанами на выборах Президента РФ в соотношении со средними показателями по стране; высокая или низкая оценка города с точки зрения государственной бюрократии²; высокая или низкая степень партийного влияния на политические процессы, проходящие в городе.

Символическая связанность — историко-культурный комплекс публичной саморепрезентации города, включающий в себя символическую (экспрессивную) компоненту, маркером которой выступает герб, и материальную составляющую, маркером которой будет городской музей.

Здесь наибольшее расхождение между «идеальными моделями», полюсами ассамбляжей дали маркеры политической связанности по результатам поддержки доминирующей партии в местных законодательных органах. В ассамбляжах корпоративной прозрачности она отрицательная, а в персонифицированной аберрации, наоборот, члены «Единой России» составляют большинство. В первом случае символи-

---

¹ Индекс качества городской среды. Методика // Дом. РФ. URL: <https://xn--dtbccddt-syapbxk.xn--p1ai/#/methodology> (дата обращения: 22.11.2023).

² Национальный рейтинг мэров (октябрь-ноябрь 2022) // Russia-rating.ru. URL: <https://russia-rating.ru/info/21053.html> (дата обращения: 22.11.2023).

ческая связанность так же выше, чем во втором, во всех них есть городские музеи. В целом в тенденциях (есть и ряд различий) общие показатели пространственной связанности (качества городской среды и деловой инфраструктуры) городах «конкуренции и прозрачности» выше, чем в городах «персонифицируемой аберрации».

Таким образом, сборки по моделям корпоративной прозрачности возникают в городах, где есть многообразие всех видов сетей, есть ведущие университеты и свои влиятельные средства массовой информации, есть развитая деловая инфраструктура и опыт сохранения, описания и рефлексии местных истерических традиций. Здесь меньше влияние федеральных административных и партийных структур, больше творческих самостоятельных объединений, способных к созданию вполне состоятельных и конкурентоспособных символических продуктов.

КРАТКОСРОЧНЫЕ ФАКТОРЫ: МОБИЛИЗАЦИОННАЯ ПОВЕСТКА

Вместе с сетевыми, организационными, пространственными, символическими компонентами, которые мы рассматривали как оказывающие наиболее существенное и длительное влияние и предопределяющие основные и наиболее вероятные направления политико-административной сборки по идеально типическим моделям «корпорации-персонификации» и «прозрачности-аберрации», рассмотрим изменения политического дизайна, как результат прихода к власти более эффективных в электоральный период групп и объединений. Как показывает опыт 1990-х годов, организованное объединение может выиграть выборы, провести к должности своего кандидата и с тем или иным успехом обеспечить свое политическое и, часто, экономическое будущее себя, своих друзей и близких родственников. Насколько при этом в выигрыше остается население — другой вопрос, но здесь наша цель не столько давать моральные оценки, сколько проследить, как и почему менялись приоритеты и цели городского развития в рассмотренный период с 1991 по 2023 г. Для этого мы введем понятие мобилизационной повестки, предложим ее типологию, кратко покажем основные изменения и периоды здесь происходившие. В качестве эмпирической базы здесь мы опираемся на ход и результаты избирательных кампаний городского уровня, агитационный материал, сообщения средств массовой информации и фрагменты

биографических интервью. Понятно, что мы в этой публикации не можем воспроизвести все многообразие методов и каналов электорального влияния по всем кандидатам и городам и сосредоточим свое внимание на общих тенденциях, лишь отметив, что наши выводы опираются на более ранние опубликованные работы (см., например: [Пустовойт 2019; Пустовойт 2022]).

Предлагаемый подход основан на способах техники отбора, тиражирования и концентрации внимания электората на значимой области проблем, способных побудить избирателя отдать свой голос за того или иного индивидуального или группового субъекта. Теоретической основой для нас выступают работы Ч. Тилли, рассмотревшего процесс мобилизации и получения группового контроля как один из основных компонентов коллективного действия [Тилли 2019: 101–102], Р. Коллинза, предложившего, схему фокусировки внимания в процессе группообразования [Collins 2004], Дж. Голдстоуна [Голдстоун 2006], подчеркнувшего важность реконструкции групповых эмоций и интересов для прогнозов стабильности государственных институтов и организаций, исследователей Максвелла Маккомбса и Дональда Шоу, эмпирически доказавшими важность числа сообщений о проблемах [McCombs, Shaw 1974: 176–187].

Мобилизационная повестка — комплекс публичных печатных и аудиовизуальных высказываний, содержащий аргументированный перечень актуальных проблем и способов их разрешения, имеющий целью установление контроля политического сообщества над значимыми ресурсами (бюджетом, назначениями, доступом к СМИ). Считаем, что помимо содержания (иерархии проблем и способов их преодоления) здесь имеет значение и выбранный способ сборки мобилизационных компонентов в единое целое. Если рассматривать процесс мобилизации, как публично высказанное, волевое («будем делать так») предложение для решения сложных проблем в условиях неопределенности, то процесс мобилизации сопоставимым с теми решениями, которые в условиях войны применялись для того, чтобы справиться с угрожающими жизни группами факторов. Подробно этой проблеме «рассеивания трения», преодоления сообществами и организациями страхов, ошибок, надежд и тревог посвящена первая книга М. Деланды «Война в эпоху разумных машин». Способ состыковки различных элементов определяется доминирующей технологией, где пролеживается эволюция «логики современной войны» как «часы-мотор-компьютерная сеть» [Де-

ланда 2018: 202], что позволяет нам выделить в области электоральной политики, помимо содержания, три доминирующих способа мобилизации, которые мы обозначили как «инерционный» (часы), «мотивационный» (мотор), «рейтинговый» (компьютерная сеть).

1. Инерционная повестка. Моделью этой повестки выступает создание солидарности и «командного духа» синхронизации ритмов всей популяции. Это наиболее древний способ консолидации (служившие в армии хорошо помнят строевую подготовку и многочасовую муштру), но и огромные митинги с не меньшим успехом генерируют общие эмоции. Соответственно инерционная мобилизационная повестка подразумевает: повторяемость, небольшой диапазон сильных эмоций и упрощение подаваемых тем. Здесь не затрагиваются сложные проблемы, социальная жизнь упрощается до лозунгов и стереотипов, чаще всего ее тиражирование сводится к регулярно повторяемым сообщениям, сконструированным по законам пропаганды и сведенным к набору удачных лозунгов.

2. Мотивационная мобилизационная повестка. Моделью повестки выступает двигатель. Если часовой механизм подразумевает движение по определенной и заданной траектории, то «двигатель», «мотивированный многоцелевой солдат», социальное изобретение Наполеона, предложившего делать ставку на личную инициативу и выбор. Приобретенная гибкость увеличила поток необходимой информации и привела к созданию отдельных центров управления и планирования, требующих точных сведений для принятия адекватных решений. В области политики это означает подчеркивание различий с оппонентами и, при неизменности расхождения ключевых ценностей возможность проводить быстрые тактические перестановки позиций по отдельным вопросам в зависимости от рейтингов значимости проблем. Акцент в этом случае делается на долгосрочном сотрудничестве с электоратом, его воспитание и поддержка.

3. Рейтинговая мобилизационная повестка. Ее основу в военной технологии составляет переход от двигателя к сети, что нашло отражение в понятии и технологии «Блицкрига». Здесь главная роль отведена средствам коммуникации, так как только радиосвязь позволяла сводить в единое целое людей и машины и добиваться выполнения стратегических планов при постоянно изменяющейся оперативной обстановке и необходимости проявления инициативы на местах. В этой технологии основную роль играют настроения, навыки и постоянная циркуляция

доверия сверху вниз и снизу вверх. Соответственно рейтинговая мобилизационная повестка подразумевает индивидуальные обращения к конкретным запросам избирателя и нахождения таких латентных проблем, которые способны разорвать уже сложившиеся властные отношения через уменьшение доверия к элитам и лидерам.

Процесс становления городских политико-административных ассамблежей укладывается в четыре этапа, критерием разделения которых являются кризисы, где триггером выступают изменения курса рубля: возникновение местных политико-административных ассамблежей (1991–1998), становление (1998–2008) и стабилизация (2008–2014), поглощение государством (2014–2021).

Первый этап. Хронологические рамки август 1991 — август 1998 г. В ходе реформ происходят изменения в конфигурациях сетей, а именно становится востребован принципиально иной комплекс личных качеств, связанный с рыночными реформами. В этот период во всех городах проходит первый этап приватизации, первые выборы по новому законодательству (Федеральный закон от 28.08.1995 № 154-ФЗ). В ходе приватизации распадаются старые и возникают новые субъекты политики, происходит резкий рост социального неравенства и низовой политической активности. В этот период в исследуемых городах выбираются первые 13 мэров. Кандидаты на эту должность и посты в законодательных собраниях представляют собой весь возможный спектр политических взглядов, хозяйственных инициатив и социальных групп и движений.

Победителями особенно на посты в исполнительной власти становятся номенклатурные чиновники КПСС и исполкомов, умеющие договариваться с различными группами, те, кого Г. Дерлугян обозначил как «харизматическая бюрократия» [Дерлугян 2013: 128]. С одной стороны, они одновременно предъявляли горожанам конфликт с действующей властью или влиятельными экономическими группами (грабителями-приватизаторами в массовом сознании), иногда подчеркивая свою жертвенность в этом противостоянии, с другой, были максимально прагматичными, умея с «новыми русскими» договариваться и заключать союзы. Главная проблема при таком типе легитимности — она связывает должностную позицию с личными качествами носителя, который вынужден демонстрировать свой характер в каждой поворотной ситуации (что неизбежно увеличивает количество конфликтов и ошибок). В целом все типы повесток были задействованы, но основным инструментом мобилизации была мотивационная повестка, где

основную роль, судя по агитационному материалу играла личность политика, исповедь как наиболее популярный жанр агитационных материалов, прагматизм, как избегание любой идеологической позиции, которую заменяют хозяйственные приоритеты, и конфликт «свой — чужой», где чаще всего на роль второго избираются «региональные власти» и «Москва». Здесь уже начинают проявляться различия в отборе компонентов и построении отношений в ассамбляжах. В одних главы городов стремятся максимально контролировать все сферы жизни города через назначения на ключевые посты своих креатур, в других, делая акцент на принятии нормативных актов, выборе программ и стратегий развития.

Второй этап. Его хронологические рамки заключены между двумя кризисами: август 1998 — 2014 г.

Финансовый кризис и смена кабинета в 1989 г. положили начало концу интереса к местному самоуправлению на федеральном уровне, все последующие законодательные акты носили характер фактического отказа от местной автономии. 131-ФЗ передал государственные социальные обязательства муниципальным властям без подкрепления этого соответствующими финансовыми ресурсами, что, по сути, означает, что муниципальная власть выступает не как орган, представляющий интересы различных групп населения, а как участник распределения федеральных и региональных бюджетов [Кордонский 2011]. В ходе реформ местной власти, проходящих в российских городах с 1991 по 2006 г., местная автономия, понимаемая как возможность осуществлять свою деятельность вне зависимости от вышестоящих органов управления, была фактически ликвидирована в пользу централизованного административного контроля, зависимости от трансфертов в рамках «веерной» схемы финансирования и снижения (а в ряде случаев отказа) роли механизмов прямого демократического волеизъявления избирателей [Гельман и др. 2008: 354]. В ассамбляжах персонифицируемой аберрации политическая администрация в регионе и городе действует по принципу «контролера на входе», определяя, кто может, а кто не может вести бизнес [Олейник 2011: 231–272].

С 2000-х годов списки зарегистрированных кандидатов (и победителей) в городские советы содержат слова «главный», «генеральный», «председатель» и т.д. Спектр участников сужается, на выборы идут производственными и политическими командами, поддержка региональных структур становится определяющей. Меняется содержание

тиражируемой мобилизационной повестки, вопросы городского пространства, его застройки, хозяйственной и производственной жизни начинают преобладать. В целом в этот период лидерство как проявление личных качеств исчезает из мобилизационной повестки, солидарность коалиций власти регулируется формальными и неформальными нормами, задаваемыми региональными и федеральными структурами. На этот период приходится большинство скандальных отставок и уголовных дел, заведенных на мэров.

Мобилизационная повестка содержательно представляет собой оптимистические планы на будущее, и из жанра исповеди переходит в жанр проповеди. В фокусе внимания – приоритеты экономического и социального развития коллективного субъекта власти, включающего в себя мэра, губернатора, политиков федерального уровня, крупных экономических субъектов. Прогосударственные группы в основном предлагают инерционную повестку, работающую как «часы», где в качестве стимула избирателю выдается регламентированный набор благ в будущем и защита его от прошлого. Оппозиция, в первую очередь, несистемная, предлагает «мотивационную» и «рейтинговую» повестку «двигатель» и «лайк», где за основу берется мотивация избирателя и наличие контрастов. Если властные группы контрасты смягчают и размывают, убирая проблемы из публичного поля, то оппозиция их усиливает и выводит в фокус обсуждения, предлагая несколько вариантов решения проблемы и оставляя вариант этого решения за «коллективным разумом». На этом этапе мэр города уже становится проводником политики доминирующей в регионе группы, идеология построена на значимости интересов «города» и социальных обязательствах, в качестве «чужого» рассматриваются группы, теряющие свое влияние на федеральном уровне или носители «либеральной» идеологии. В городах, где сложился ассамблеж персонифицированной аберрации партии, ориентированные на «западные ценности», практически исчезают из публичного поля.

Третий этап. Хронологические рамки 2014–2021 гг., а именно 21 декабря, публикация Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации». Реализация закона на практике, вероятнее всего, приведет (приводит) к переходу от выборов мэров городов к их конкурсному назначению, что, с одной стороны, лишит горожан возможности каким-то образом влиять на результаты избрания, с другой, усиливает позиции губернатора.

Во всех городах на выборах глав городов побеждают кандидаты от «Единой России». Исключение — Новосибирск, где в 2014 г. победил консолидированный кандидат от оппозиции А. Локоть (КПРФ). Выборы в представительные органы муниципальных образований более конкурентны и в городах, где с моделями «корпоративной прозрачности» системная, а иногда и несистемная оппозиция добивается определенного числа мандатов. Избирательная кампания в 2020 г. в Новосибирске и Томске показала, что борьба на официальной арене при конструировании сильной «мотивационной» и (или) «рейтинговой» мобилизационной повестки даже в условиях доминирования федеральных структур могут привести к победе. Но поскольку ключевые позиции в административном управлении остались за доминирующими группами и объединениями, то возможности победителей закрепить свои достижения и реализовать заявленные инициативы оказались невозможными. К 2021 г., в силу активизации федеральных структур (борьба COVID-19 и принятие поправок к Конституции 2020 г.) во всех городах политико-административные ассамблеи перестали играть какую-то значимую роль. Местные властные группы исчезли как субъекты, задающие политическую повестку, даже на городском уровне. Программы кандидатов в депутаты сосредоточены на решении хозяйственных вопросов и не выходят за пределы инфраструктурных изменений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ постсоветской истории сибирских городов показывает, что общим для всех городов корпоративной прозрачности являются глубинные исторические традиции (это старые города), расположение вдоль Транссиба. Железнодорожное сообщение превратило сухопутные столицы регионов в города-порты, контролирующие потоки товаров и служащие торговыми хабами, для которых, как и для всех портов, требуется принципиально иной набор качеств для горожан и организаций. Необходимость регулярного взаимодействия с социально непохожими формирует комплекс качеств горожанина, основанных на нахождении универсальных стандартов для решения сложных проблем, рационализме, эмпатии и толерантности.

Режим персонифицированной аберрации характерен для административных столиц, прежде всего, национальных республик, находящихся вне основных линий железнодорожного сообщения. Соответ-

ственно основу власти здесь составляют формальные полномочия и неэкономический обмен. Производства, расположенные в этих городах, относятся к добывающей промышленности и металлургии, что скорее усиливает внутренние границы и стабилизирует социальные и политические отношения. Здесь нет потребности в индивидуальных и социальных изменениях и нет необходимости меняться под воздействием условий внешней среды, как и нет потребности в росте культурного капитала. Для технологических цепочек, существующих на этих производствах, дисциплина и стандартизация важнее, чем инициатива и гибкость. В нашем случае это столицы национальных республик и города Кемеровской области, где политико-административные ассамблежи городов находились под прямым влиянием региональных политических компонентов, сумевших в течении относительно короткого времени лишить политической субъектности сети и организации всех видов.

С 1991 г. ведущими акторами городской политики выступали выходцы из номенклатурной системы, обладающие комплексом организаторских качеств, позволяющих им выстраивать отношения на всех трех уровнях (сетей, организаций и государства), то есть с населением, местными, национальными и транснациональными бизнес-структурами, с политиками регионов и федерального центра. В отсутствие формальных стандартов на этом этапе основную роль играли личные качества, а исчезновение собственных средств в городе в достаточном объеме делало ключевой проблему выживания. Возникли два способа решения проблем: создание подконтрольных и ориентированных на политического лидера лояльных экономических структур или формирование широкой социальной базы лидерства и оптимальных условий для привлечения бизнеса к процессам решения городских вопросов.

С 1998 г. ситуация начинает меняться, так как столицы регионов становятся более привлекательными для крупного бизнеса. В городах-хабах, где возникают ассамблежи корпоративной прозрачности с уже развитыми средствами массовой информации, университетами, местными бизнес-структурами, гетерогенным составом населения, включенным в множество сетей и обладающим разнообразными навыками взаимодействия, федеральные экономические структуры вынуждены конкурировать на общих основаниях и конструировать сложные схемы лоббирования своих интересов через политиков, депутатский корпус, муниципальные структуры и местные партии и объединения, что усиливает электоральную конкуренцию и требует соблюдения правил политической борьбы.

В городах — административных центрах, где возникают ассамбляжи персонифицированной фальсификации, такой необходимости нет, но есть потребность строить персонифицированные отношения и учитывать интересы крупных экономических акторов и как можно долго удерживать управленческие позиции, так как их потеря грозит серьезными социальными и персональными рисками. Конкурентное оспаривание властных позиций сворачивается, на уровне сетей и организаций поэтапно закрываются площадки для обсуждений, уменьшается число мест и мероприятий, где горожане могут получать спонтанный эмоциональный политический опыт, нет развития местных СМИ и самостоятельности вузов. Вместе с тем активно поддерживаются мероприятия национального масштаба и усиливается влияние федеральной бюрократии и партийных структур.

С 2008 г. усиливается влияние государственных структур на политические процессы в городах, местные властные структуры встраиваются с разной скоростью в единую вертикаль власти. Быстрее всего этот переход от отказа от самостоятельности происходит в городах ассамбляжей персонифицированной аберрации, несколько медленнее в городах ассамбляжах корпоративной прозрачности. Разница в динамике вызвана различием в объемах и опыте сетевого взаимодействия в сетях всех видов (сетей страсти, сетей целей, сети справедливости и классовых сетей), они получили развитие именно в городах-хабах, где раньше появились и цифровые технические возможности для тиражирования альтернативных мобилизационных повесток и организации протестных мероприятий широкого идеологического сектора.

Общую тенденцию можно охарактеризовать как искусственный и обратный переход от общности к общине, «от Gesellschaft к Gemeinschaft», от городской солидарности (в крупных городах) к трайбализации (атомизации?). Тем не менее представляется маловероятным остановка процесса урбанизации с сопутствующим ему ростом экономического, социального и культурного разнообразия и капиталов на всех уровнях сборки: людей, сетей, социальных движений, классов, идеологических, экономических, силовых организаций, национальных партий и государственной бюрократии.

Приведенные и используемые нами в ходе исследования онтологические принципы М. Деланды и основные положения его теории не только дают продуктивные возможности для описания и объяснения городской политической динамики, но и показывают диапазон возможных

способов решения конкретных проблем локальных территорий. Во-первых, поскольку в основе ассамблежного подхода лежат единичные случаи сингулярности, то, возможно, следует отказаться от идеи о существовании универсальных закономерностей, что обычно в политической жизни означает отказ от автоматического переноса хорошо зарекомендовавших себя практик управления в одних городах на другие. Каждый случай представляет собой уникальное сочетание людей, ресурсов и территории. Это не означает отказ от стандартизации административных процедур. Напротив, здесь единые критерии, нормы и прозрачные стандарты процедур обязательны (особенно в нашем случае — вопросах подсчета голосов в ходе выборов). Это означает, что при решении проблем факторы, значимые в одном городе, могут играть незначительную роль в другом. Во-вторых, экстериориорные (самодостаточные и свободно перемещаемые) отношения компонентов в ассамблежах позволяют при точном определении проблемы находить адекватные способы ее решения. В каких-то случаях речь может идти об изменениях в материальной инфраструктуре (строительство мостов, парков, зданий, спортивных сооружений и т.д.), в каких-то — о расширении медиасреды, в каких-то — о смене управленческих команд в областях образования, здравоохранения или культуры. В-третьих, именно этот подход наглядно показывает, что легитимность и эффективность политики опирается на сетевой потенциал и возможности людей опосредованно или напрямую участвовать в принятии решений, которые касаются их будущего. Отказ от прямых выборов в городах корпоративной прозрачности лишает их этого права. Соответственно, несложно прогнозировать увеличение комплекса проблем как в политической сфере, так и в административном управлении, культуре и образовании и материальных зданиях и коммуникациях, так как низовые повседневные проблемы и интересы не будут просто входить в актуальную повестку. С учетом суровых климатических условий, изношенной инфраструктуры, падения уровня квалификации руководства и персонала это, скорее всего, будет приводить к увеличению социальных конфликтов и аварий в системах жизнеобеспечения.

Литература

- Амин Эш, Трифт Н. Города: переосмысляя городское. М.: Красная ласточка, 2017. 218 с.
- Вахитайн В.С.** Воображая город: введение в теорию концептуализации. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 576 с.
- Гельман В., Рыженков С., Белокурова Е., Борисова Н. Реформа местной власти в городах России, 1991–2006. СПб.: Норма, 2008. 368 с. EDN QOICEF.
- Гельман В. Я. Динамика субнационального авторитаризма (Россия в сравнительной перспективе) / В. Я. Гельман // *Общественные науки и современность*. 2009. № 3. С. 50–63. EDN KDRHOX.
- Голдстоун Дж. К теории революции четвертого поколения // *Логос*. 2006. № 5. С. 58–103.
- Деланда М. Новая философия общества: теория ассамбляжей и социальная сложность / пер. с англ. К. Майоровой. Пермь: Гиле пресс, 2018. 164 с.
- Деланда М. Война в эпоху разумных машин. Екатеринбург: Кабинетный ученый; Институт общегуманитарных исследований. 2018. 202 с.
- Дерлугьян Г. Как устроен этот мир // *Наброски на макросоциологические темы*. М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. 381 с. EDN SUHEMX.
- Досс Ф. Жилье Делёз и Феликс Гваттари. Перекрестная биография / пер. с фр. И. Кушнарёвой, под науч. ред. М. Маяцкого. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2021. 672 с. EDN RTXUPT.
- Зубаревич Н. В. Развитие российского пространства: барьеры и возможности региональной политики // *Мир новой экономики*. 2017. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-rossiyskogo-prostranstva-bariery-i-vozmozhnosti-regionalnoy-politiki> (дата обращения: 22.11.2023). EDN YSPLCJ.
- Кордонский С. Местное самоуправление или Муниципальная власть, прокрустово ложе муниципальных законов. 2011. URL: <http://kordonsky.ru/?p=293> (дата обращения: 22.11.2023).
- Красавин И. В. Устройство сборки, или симуляция онтологии у Мануэля Деланда // *Социология власти*. 2019. Т. 31, №. 2. С. 136–154. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2019-2-136-154>. EDN AERJEB.
- Ледяев В. Г. Социология власти: теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах. М.: ИД НИУ ВШЭ, 2012. 472 с.
- Ло Д. После метода: беспорядок и социальная наука. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2015. 344 с. EDN TNACHX.
- Логан Д., Молоч Х. Город как машина развития (The City as a Growth Machine) // *Urban Sociology*. URL: <http://les-urbanistes.blogspot.com/2009/04/x-city-as-growth-machine.html> (дата обращения: 22.11.2023).
- Манн М. Источники социальной власти. Т. 4: Глобализации 1945–2011 годы. М.: Издат. дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 672 с.
- Овчинников Б. Сто восемьдесят честных городов России // *Троицкий вариант — Наука*. 2012. № 98. URL: <http://trv-science.ru/2012/02/28/sto-vosemdesyat-chestnykh-gorodov> (дата обращения: 22.11.2023).

Олейник А. Н. Власть и рынок: система социально-экономического господства в России «Нулевых годов»: пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2011. 437 с.

Петров Н.В., Титков А.С. Рейтинг демократичности регионов Московского центра Карнеги: 10 лет в строю. Московский центр Карнеги, 2013. URL: http://carnegieendowment.org/files/CP_Petrov_Rus_2013.pdf (дата обращения: 22.11.2023).

Пустовойт Ю.А. Как создается режим: властные коалиции в сибирских городах // Полис. Политические исследования. 2019. № 4. С. 104–118. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.08>. EDN LASRAA.

Пустовойт Ю.А. Люди и проекты: лидерство как основа формирования властных групп в современном городе (опыт анализа постсоветской истории в региональных центрах Сибири) // Власть и элиты. 2022. Т. 9, № 1. С. 139–163. <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.1.5>. EDN AACIWC.

Ревзин Г.И. Как устроен город: 36 эссе по философии урбанистики. М.: Strelka Press, 2019. 267 с.

Розов Н.С., Вертгейм Ю.Б., Сизенцев Г.С. и др. Разработка и апробация метода теоретической истории. Новосибирск: Наука, 2001. 502 с. EDN YUOYDJ.

Росман В. И. Столицы. Их многообразие, закономерности развития и перемещения. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2013. 333 с. EDN KJOHRE.

Теннис Ф. Общность и общество. Теоретическая социология: Антология. Под ред. С.П. Баньковской. Т. 1. М.: Книжный дом «Университет», 2002. 451 с.

Тилли Ч. От мобилизации к революции. М.: ИД НИУ ВШЭ, 2019. 432 с.

Флорида Р. Кто твой город? Креативная экономика и выбор места жительства: пер. с англ. М.: Strelka Press, 2014. 366 с.

Харман Гр. Сети и ассамблежи: возрождение вещей у Латура и Деланда // Логос. 2017. Т. 27, № 3(118). С. 1–34. EDN YMCDZ.

Чирикова А. Е. Ледеяев В. Г. Власть в малом российском городе. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 412 с.

Шпилькин С. Математика выборов // Троицкий вариант — Наука. 2011. № 94. URL: <http://trv-science.ru/2011/12/20/matematika-vyborov-2011> (дата обращения: 22.11.2023).

Эллард К. Среда обитания: как архитектура влияет на наше поведение и самочувствие. М.: Альпина Пабlishер, 2015. 287 с.

Collins R. Interaction Ritual Chains. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2004. 439 p.

McCombs M. E., Shaw D. L. The agenda-setting function of mass media // Public opinion quarterly. 1972. Т. 36, no. 2. P. 176–187.

Stephan M. J., Chenoweth E. Why civil resistance works: The strategic logic of nonviolent conflict // International security. 2008. Т. 33, no. 1. P. 7–44.

BACK TO THE COMMUNITY: DYNAMICS OF POLITICAL-ADMINISTRATIVE ASSEMBLY IN SIBERIA CITIES (1991–2021)

Yu. Pustovoyt

(pustovoit1963@gmail.com)

Siberian Institute of Management — branch of RANEPA
National Research Tomsk State University
Novosibirsk National Research State University
Novosibirsk, Russia

Citation: Pustovoyt Yu. Nazad v obshchinu: dinamika politiki- preobrazovaniya assamblyazhey v gorodakh Sibiri (1991-2021 g.) [Back to the community: dynamics of political-administrative assembly in Siberia cities (1991-2021)], *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2023, 10 (1): 156–189. (In Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.1.6>

EDN RWQLUP

Abstract. *The problem of the influence of urban space, lifestyle, characteristics of urban networks and communities, organizations and institutions on political processes and the emergence of power coalitions in the city is considered. Based on the ontology and basic principles of the theory of assemblages by the Mexican-American researcher M. Delanda and the methods of similarity and difference (C. Ragin, N. Rozov), the dynamics of changes in social, cultural, organizational and political components in 13 Siberian cities (regional centers) during election campaigns from 1991 to 2021. The introduction of the concept of “political-administrative assemblage” is proposed and justified and the procedure for its identification and evaluation is shown. Based on theoretical principles, a hypothesis is formulated about the long-term influence on the key parameters of the assemblage of various types of geographical and historical factors of the emergence and development of cities (hub city or center city) with the concomitant formation of characteristic networks (strong-emotional, weak-rational, organizational and class) communities located on the territory of organizations that are sources of ideological, economic and security power, the development of spatial, business and symbolic infrastructure, relations with the state bureaucracy and parties dominant at the federal level. Through a comparison of the named factor-variables, operationalized through selected markers, the hypothesis was tested on specific historical material of selected Siberian cities, which made it possible to more accurately represent a complex socially and culturally based set of incentives that can influence the decisions of individual and group political subjects and determine*

the trajectory of movement along various models of the level of political competition and the purity of administrative procedures. Electoral cycles are separately identified and analyzed on the basis of mobilization agendas and it is shown how and in what periods the emergence, formation, stabilization and, with differences in speed, absorption by the state of urban assemblages and the likely consequences of the disappearance of competitive politics from urban life occur.

Keywords: *city, assemblage, power groups, networks, mobilization agenda, urban regime, Siberia.*

References

- Amin Esh, Trift N. *Goroda: pereomyslyaya gorodskoe* [Cities: Rethinking the Urban]. Moscow: Red Swallow, 2017. 218 p. (In Russian)
- Collins R. *Interaction Ritual Chains*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2004. 439 p.
- Chirikova A. E. Ledyayev V. G. *Vlast' v malom rossiiskom gorode* [Power in a small Russian city]. Moscow: HSE, 2017. 412 p. (In Russian)
- Delanda M. *Novaya filosofiya obshchestva: teoriya assambleyazhei i sotsial'naya slozhnost'* [New philosophy of society: the theory of assemblages and social complexity]. Perm': Gile press, 2018. 164 p. (In Russian)
- Delanda M. *Voina v epokhu razumnykh mashin* [War in the Age of Intelligent Machines]. Yekaterinburg: Armchair Scientist; Institute of General Humanitarian Research, 2018. 202 p. (In Russian)
- Derlug'yan G. *Kak ustroen etot mir // Nabroski na makrosotsiologicheskie temy* [How this world works // Sketches on macrosociological topics]. Moscow: Publishing house of the Gaidar Institute, 2013. 381 p. EDN SUHEMX. (In Russian)
- Doss F. *Zhil' Delez i Feliks Gvattari. Perekrestnaya biografiya* [Gilles Deleuze and Felix Guattari. Cross biography]. Moscow: «Delo» RANEPА, 2021. 672 p. EDN RTXUPT. (In Russian)
- Ellard K. *Sreda obitaniya: kak arkhitektura vliyaet na nashe povedenie i samochuvstvie* [Habitat: how architecture affects our behavior and well-being]. Moscow: Alpina Publisher, 2015. 287 p. (In Russian)
- Florida R. *Kto tvoi gorod? Kreativnaya ekonomika i vybor mesta zhitel'stva* [Who is your city? Creative economy and choice of place of residence]. Moscow: Strelka Press, 2014. 366 p. (In Russian)
- Gel'man V., Ryzhenkov S., Belokurova E., Borisova N. *Reforma mestnoy vlasti v gorodakh Rossii, 1991–2006* [Local government reform in Russian cities, 1991–2006]. St. Petersburg: Norma, 2008. 368 p. EDN QOICEF. (In Russian)
- Gel'man V. Ya. *Dinamika subnatsional'nogo avtoritarizma (Rossiya v sravnitel'noi perspektive)* [Dynamics of subnational authoritarianism (Russia in a comparative perspective)]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. [Social sciences and modernity], 2009, 3, pp. 50–63 EDN KDRHOX. (In Russian)

Goldstoun D. K teorii revolyutsii chetvertogo pokoleniya [Towards the theory of the fourth-generation revolution]. *Logos* [Logos], 2006, 5, pp. 58–103 (In Russian)

Kharman Gr. Seti i assablyazhi: vozrozhdenie veshchei u Latura i Delanda [Networks and assemblages: the revival of things in Latour and Deland]. *Logos* [Logos], 2017, 27(118), pp. 1–34. EDN YMICDZ. (In Russian)

Kordonskii S. *Mestnoe samoupravlenie ili Munitsipal'naya vlast', prokrustovo lozhe munitsipal'nykh zakonov* [Local self-government or municipal power, the Procrustean bed of municipal laws], 2011. URL: <http://kordonsky.ru/?p=293> (accessed: 22.11.2023). (In Russian)

Krasavin I. V. Ustroistvo sborki, ili simulyatsiya ontologii u Manuelya Delanda [Assembly device, or simulation of ontology by Manuel Deland]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of power], 2019, 31(2), pp. 136–154. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2019-2-136-154>. EDN AERJEB. (In Russian)

Lo D. *Posle metoda: besporyadok i sotsial'naya nauka* [After Method: Disorder and Social Science]. Moscow: Publishing House of the Gaidar Institute, 2015. 344 p. EDN TNACHX. (In Russian)

Logan D. X. Moloch. Gorod kak mashina razvitiya [The City as a Growth Machine]. *Urban Sociology* [Urban Sociology]. Available at: <http://les-urbanistes.blogspot.com/2009/04/x-city-as-growth-machine.html> (accessed: 22.11.2023). (In Russian)

Ledyaev V. *Sotsiologiya vlasti: teoriya i opyt empiricheskogo issledovaniya vlasti v gorodskikh soobshchestvakh* [Sociology of power: theory and experience of empirical research of power in urban communities]. Moscow: HSE, 2012. 472 p. (In Russian)

Mann M. *Istochniki sotsial'noy vlasti. Tom 4: Globalizatsii 1945–2011 gody* [Sources of social power. Vol. 4: Globalizations 1945–2011]. Moscow: “Delo” Publishing House RANEP, 2018. 672 p. (In Russian)

McCombs M.E., Shaw D.L. The agenda-setting function of mass media. *Public opinion quarterly*, 1972, 36(2), pp. 176–187.

Ovchinnikov B. Sto vosemidesyat chestnykh gorodov Rossii [One hundred and eighty honest cities of Russia]. *Troitskii variant — Nauka* [Trinity option — Science], 2012, 98. Available at: <http://trv-science.ru/2012/02/28/sto-vosemidesyat-chestnykh-gorodov> (accessed: 22.11.2023). (In Russian)

Oleinik A. N. *Vlast' i rynek: sistema sotsial'no-ekonomicheskogo gospodstva v Rossii* [Power and the market: the system of socio-economic domination in Russia of the “Zero years”]. Moscow: ROSSPEN, 2011. 437 p. (In Russian)

Petrov N.V., Titkov A.S. *Reiting demokratichnosti regionov Moskovskogo tsentra Karnegi: 10 let v stroyu* [Rating of regional democracy by the Carnegie Moscow Center: 10 years in service]. Moskovskii tsentr Karnegi [Carnegie Moscow Centre] 2013. Available at: http://carnegieendowment.org/files/CP_Petrov_Rus_2013.pdf (accessed: 22.11.2023).

Pustovoyt Yu.A. Kak sozdaetsya rezhim: vlastnye koalitsii v sibirskikh gorodakh [How a Regime is Created: Power Coalitions in Siberian Cities]. *Polis. Politicheskie*

issledovaniya [Polis. Political studies], 2019, 4, 104–118. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.08>. EDN LASRAA. (In Russian)

Pustovoyt, Yu. A. Lyudi i proekty: liderstvo kak osnova formirovaniya vlastnykh grupp v sovremennom gorode (opyt analiza postsovetsoi istorii v regional'nykh tsentrakh Sibiri) [People and projects: leadership as the basis for the formation of power groups in a modern city (experience of analyzing post-Soviet history in the regional centers of Siberia)]. *Vlast' i elity* [Power and elites]. 2022, 9(1), pp. 139–163. <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.1.5>. EDN AACIWC. (In Russian)

Revzin G I. *Kak ustroen gorod: 36 esse po filosofii urbanistiki* [How the city is structured: 36 essays on the philosophy of urbanism]. Moscow: Strelka Press, 2019. 267 p. (In Russian)

Rozov N.S., Vertgeim Yu.B, Sizentsev G.S et al. *Razrabotka i aprobatsiya metoda teoreticheskoi istorii* [Development and testing of the theoretical history method] Novosibirsk: Nauka, 2001. 502 p. EDN YUOYDJ. (In Russian)

Rossmann V. I. *Stolitsy. Ikh mnogoobrazie, zakonomernosti razvitiya i peremeshcheniya* [Capitals. Their diversity, patterns of development and movement]. Moscow: Publishing House of the Gaidar Institute, 2013. 333 p. EDN KJOHRE. (In Russian)

Shpil'kin S. Matematika vyborov [Mathematics of elections]. *Troitskii variant — Nauka* [Trinity option — Science], 2011, 94. Available at: <http://trv-science.ru/2011/12/20/matematika-vyborov-2011> (accessed: 22.11.2023). (In Russian)

Stephan M. J., Chenoweth E. Why civil resistance works: The strategic logic of nonviolent conflict. *International security*, 2008, 33(1), pp. 7–44.

Tennis F. *Obshchnost' i obshchestvo* [Community and Society]. *Teoreticheskaya sotsiologiya: antologiya* [Community and society. Theoretical Sociology: An Anthology]. Ed. by S.P. Ban'kovskoi. Moscow: Universitet, 2002. 451 p. (In Russian)

Tilli Ch. *Ot mobilizatsii k revoliutsii* [From mobilization to revolution]. Moscow: HSE, 2019. 432 p. (In Russian)

Vakhshayn V.S. *Voobrazhaya gorod: vvedenie v teoriyu kontseptualizatsii* [Imagining the City: Introduction to Conceptualization Theory]. Moscow: New Literary Review, 2022. 576 p. (In Russian)

Zubarevich N. V. Razvitiye rossiiskogo prostranstva: bar'ery i vozmozhnosti regional'noi politiki [Development of Russian space: barriers and opportunities of regional policy]. *Mir novoi ekonomiki* [World of New Economics]. 2017. 2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitiye-rossiyskogo-prostranstva-bariery-i-vozmozhnosti-regionalnoy-politiki> (accessed: 22.11.2023). EDN YSPLCJ. (In Russian)